

С.Б. РОЦИНСКИЙ

АЛАРМИСТСКИЕ ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ (О КНИГЕ А.А. ПЕЛИПЕНКО «КОНТРЭВОЛЮЦИЯ»)

***Аннотация:** Исследуется концептуальное содержание книги «Контрэволюция» и некоторых других работ А.А. Пелипенко. Излагаются основные идеи и положения его философско-культурологической теории смыслогенеза, фундаментально разработанной в трудах «Постижение культуры» и «Дуалистическая революция и смыслогенез в истории». Предпринята попытка выявить концептуальную связь между алармистскими заявлениями и рекомендациями, представленными в «Контрэволюции», а также в статье «Манифест неомодерна», с философско-культурологической теорией исследователя. Доказывается, что, несмотря на кажущийся содержательный и логический разрыв между публицистическими заявлениями Пелипенко и его теорией смыслогенеза, эти две стороны его творчества между собой согласуются. Приведенные аргументы позволяют сделать вывод, что алармистские послы, идущие от личности исследователя, представляют собой выражение человеческой субъектности, которая, согласно теории смыслогенеза, вместе с субъектностью собственно культуры образует диалектику эволюции культуры.*

***Abstract:** The author examines the conceptual content of the book «Counter-evolution» and some other works of A.A. Pelipenko. The main ideas and aspects of his philosophical-cultural theory of sense-genesis, developed in «Comprehension of culture» and «Dualistic revolution and the sense-genesis in history», are reviewed. The author attempts to identify the conceptual connection of alarmist statements and recommendations, as presented in «Counter-evolution» and «Manifesto of neomodernity», with philosophical and cultural theory of the thinker. It is argued that, despite apparent informative and logical gap between Pelipenko's publicist statements and his theory of sense-genesis, these two sides of his work are coherent. The arguments presented lead to the conclusion that alarmist messages arising from the*

Роцинский Станислав Борисович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФСФ ИОН РАНХиГС (Москва). E-mail: rotsinsky@bk.ru.

personal self of the thinker represent expressions of human subjectivity which, according to theory of sense-geneses, is combined with subjectivity of culture to form a dialectics of evolution of culture.

Ключевые слова: *смыслогенез, эволюция культуры, дуалистическая революция, антропологический максимализм, индивид, логоцентризм, личность, мир сложности, мир простоты, насилие.*

Keywords: *sense-geneses, evolution of culture, dualistic revolution, anthropological maximalism, individual, logocentric person, personality, world of complexity, world of simplicity, violence.*

В книге «Контрэволюция» А.А. Пелипенко продолжил тему кризиса европейской культуры, начало которой было положено еще в позапрошлом столетии. Но читатель, знакомый с его работами, обратит внимание на то, что слово «продолжил» употреблено здесь не вполне корректно. Действительно, оно не совсем точно выражает характер отношения исследователя к теме кризиса системно-институциональной и ментальной модели западной культуры. Сама тема у него, конечно, осталась и, более того, обострилась. Но точка зрения, теоретико-методологическое обоснование, смысловая и понятийная палитра, а главное, вытекающие из всего этого выводы побуждают говорить о новом взгляде на эту проблему, принципиально отличающую позицию нашего автора от его предшественников.

Выводы эти не просто оригинальны, они содержат в себе много такого, что способно вызвать у определенной части читателей решительное их неприятие. Да и сам их автор признавал, что он готов к тому, что его текст вызовет у его оппонентов «жгучее желание наклеить на меня ярлык социал-дарвиниста. (Ярлыки нациста, фашиста, расиста и колониалиста мне уже присвоены)»¹. И в последней своей публикации в журнале «Личность. Культура. Общество», в статье «Манифест неомодерна», в которой изложены основные выводы и рекомендации «Контрэволюции», А.А. Пелипенко заявил о том, что его «статья-манифест представляет собой жёсткое алармистское обращение, написанное в резкой и нелицеприятной для сложившегося дискурса форме»².

Но прежде чем говорить о выводах и рекомендациях, логично будет остановиться на той теоретической основе, на которой они базируются. С ней, собственно, и начинается автор свою «Контрэволюцию». В первых главах он излагает основы смыслогенетической теории эволюции культу-

¹ Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016. — С. 220.

² Пелипенко А.А. Манифест неомодерна // Личность. Культура. Общество. — 2016. — Т. XVIII. — Вып. 3—4 (№ 91—92). — С. 40.

ры, над разработкой которой он работал много лет. Идеи и положения ее были сформулированы и концептуально обоснованы в предыдущих работах, прежде всего, в фундаментальных трудах «Постижение культуры» и «Дуалистическая революция и смыслогенез в истории»³. В «Постижении культуры» он так определил основную задачу своих культурологических исследований: «раскрыть законы образования и разворачивания геномов культурных систем в их исторической динамике и в отношении к исторически эволюционирующему человеческому субъекту, а также выявить диалектику двойной субъектности истории: человека и самих культурных систем»⁴.

Теория смыслогенеза, поясняет автор, рассматривает культуру как саморазвивающуюся систему, встроенную в эволюционную пирамиду универсума. Понятие «смысл» выступает первичным элементом-носителем всякой культуры. Несмотря на то, что культура обладает субъектностью, носителем которой является человек, принципы её самоорганизации не зависят от сознания человека и его жизненного мира. Эволюция культуры понимается как имманентная трансформация конфигураций типов ментальной конституции человека и типов культурно-исторической организации, которые находятся меж собой в отношениях сложной корреляции. Этот процесс последовательно и направленно обуславливает смену как локальных культурных систем, так и макросистем.

Согласно смыслогенетической теории, эволюция культуры имеет свою периодизацию. Начальный период выводится в ней под названием *Мифоритуальной системы*, кризис которой приходится на конец II – начало I тыс. до. н.э. Затем наступает эпоха *Дуалистической революции*, рассматриваемая автором в двойственности и неразрывном единстве её ментальных и культурно-цивилизационных аспектов. Она включает в себя *манихейство* как «самый громкий манифест» дуалистического мироощущения, возникновение религий спасения с их дуализмом *духовного Абсолюта и антропного начала*. Бинарные оппозиции здесь стали определяющими для смыслообразования данного периода истории.

Далее, в VII веке, с появлением Ислама, начинается эпоха устойчивого существования *Логоцентрической системы* как глобальной макрокультурной парадигмы. Мифологические, иррациональные представле-

³ См.: *Пелипенко А.А.* Постижение культуры. Часть 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – 605 с.; *Пелипенко А.А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. – М.: МГУКИ, 2007. – 434 с.

⁴ См.: *Пелипенко А.А.* Постижение культуры. Часть 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – 605 с. (введение).

ния и рефлексии не исчезли совсем, но над ними возвысилось Слово-Логос, значение которого усилилось с появлением письменности. Логоцентризм адаптировал сознание индивидов к жизни в большом обществе, где действуют мощные надындивидуальные силы. Принцип поклонения местным богам сменяется принципом *служения* сакральным идеям или социальным инстанциям.

Наступление этого периода связано с появлением нового исторического субъекта — культурно-антропологического типа *логоцентрика*, человека с двухслойной структурой ментальности. «Истина и ложь, Творец и творение, Бог и Дьявол, Свет и Тьма: все эти оппозиции — в логоцентризме — суть корреляты всеохватной панэтической оппозиции добра и зла, прилагаемые к тем или иным аспектам жизни»⁵. Ключевой стала оппозиция *Сущего и Должного*, порождающая противоречия между *горизонтальной* и *вертикальной* линиями бытия культуры — между состоянием упрощенной стабильности и тенденцией усложняющегося развития.

В вертикальном направлении совершился прорыв к новой культурно-цивилизационной системе, в которой эволюционного финиша достигла лишь Западная Европа, где «антропное начало поднялось до доктринально выраженного антропологического максимализма»⁶. Это стало результатом Революции личности, произошедшей в эпоху Ренессанса и Реформации и положившей начало следующей, поздней стадии логоцентрической культурной системы. «Остальные участники движения либо на том или ином этапе соскочили в горизонтальное эволюционирование (некоторые восточные культуры), либо застряли в бескачественной неопределённости (восточно-христианские культуры: Византия, а затем Русь/Россия)»⁷.

В своем смыслогенетическом постижении культуры А.А. Пелипенко, как и его соотечественник Н.Я. Данилевский, считал бессмысленным употребление понятий типа «мировая культура», «общечеловеческое» и т.п., поскольку подлинными участниками культурной эволюции выступают локальные культурно-цивилизационные системы (у Данилевского — культурно-исторические типы⁸). Оба исследователя пафос своей критики сосредоточили на «грехах» Европы. Только если у Данилевского главную оппозицию друг другу составляли Россия и Европа, то Пелипенко, подобноамериканскому социологу и политологу С. Хантингтону⁹, основ-

⁵ Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016. — С. 45.

⁶ Там же — С. 25.

⁷ Там же. — С. 25.

⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 576 с.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — 660 с.

ное внимание уделяет антагонизму между Западной Европой и мусульманским Востоком.

Запад, по характеристике А.А. Пелипенко, представляет собой единственную в истории культурную систему, где социальное оказалось в подчинении индивидуальному, что составило коренное его отличие от всех иных обществ и культур. Прежде всего, от мира мусульманского Востока, где значение индивида полностью поглощено надындивидуальными силами. «Исламская душа в общем случае ищет не награды по труду, а улыбки Аллаха, не признания заслуг, а статуса со всем, что к нему прилагается. Правовой мусульманин прекрасно знает, как ему следует жить, за что умирать и что его ждёт после смерти. Идея служения – сердцевина средневековой духовной дисциплины – служит универсальной ведущей по жизни “дорожной картой”»¹⁰.

Важной характеристикой культурных систем А.А. Пелипенко считал их антропологическое измерение. Он выделял три базовых культурно-антропологических типа, представленных в истории: индивид, логоцентрик и личность. Для каждого из культурно-антропологических типов отводится определенное пространство альтернатив самореализации в культуре, что обуславливается мерой свободы. Индивид не знает ни свободы, ни соответствующей проблемы. Проблемы у него начинаются при попытке навязать ему свободу. Для логоцентрика границы свободы определяются идеями долга и служения. Только личность наиболее внутренне свободна, и свободный выбор для неё – естественное состояние.

Однако личность – не окончательный антропологический тип, а представляет собой *переход* к четвёртому типу, порождаемому современной ситуацией в западноевропейском мире сложности. Это постлогоцентрик, или носитель Новой естественности – человек «с его сверхгибким сознанием и дрейфующей идентичностью», для которого «проблема свободы как бы “уходит внутрь”, теряя социальное измерение»¹¹. Возможность самопроявления в условиях нарастающей сложности жизненного мира для такого антропологического типа является главной ценностью.

Противоположностью такому типу является человек мира простоты – поздний логоцентрик, постиндивид или, гораздо реже, ранняя личность. Такой человек, догматично мыслящий, свою свободу, даже саму жизнь кладет на алтарь служения священному Абсолюту, получая в обмен избавление от бремени субъективного выбора. Для такого антропологического типа личностная доминанта, самоценность отдельного человека, его права и

¹⁰ Пелипенко А.А. Контрэволюция. – М.: Знание, 2016. – С. 139.

¹¹ Там же – С. 81-82.

свободы, гуманистические в западном понимании ценности *никогда* не будут основополагающими, уверен А.А. Пелипенко. Потому что названные типы – два совершенно разных мира, которым никогда не сойтись.

Но не сойтись – не значит жить в самозамкнутой изоляции друг от друга. Во всяком случае, мир архаизирующего упрощения этого не желает. «Мир простоты отчаянно наступает, ибо отступать ему некуда. Мир сложности, умиротворённый осознанием своего интеллектуального и техно-цивилизационного преимущества, пока пребывает в благостной спячке и крайне неохотно покидает ставшую привычной зону комфорта. Именно такое положение дел, а не голод, эпидемии или даже экология – главная проблема нашего времени»¹².

Угрозу агрессивной упрощающей контрреволюции, наступающей с Востока, А.А. Пелипенко связывает с целым рядом факторов, порожденных современной ситуацией. В частности, он отмечает, что никогда ранее эти силы не имели возможности обратить высокие технологии, порождённые миром сложности, против него самого; никогда прежде они не обладали такими техническими средствами и механизмами самоорганизации и влияния на массовое сознание, а формы неприятия мира сложности не были столь радикальны и агрессивны. И никогда активность сил контрреволюции не стимулировалась столь мощным вызовом со стороны мира сложности.

С другой стороны, западный мир сложности никогда ранее не был столь идейно и психологически слаб и не подготовлен к серьёзному противостоянию. Евроатлантическая цивилизация, долгое время бывшая локомотивом исторической динамики, оказалась в системном кризисе. Притязания либерально-гуманистических ценностей на культурную универсальность себя дискредитировали. Иллюзия культурно-антропологического равенства и другие леволиберальные предрассудки не позволяют Западу оценить масштаб и опасность угрозы со стороны мира воинствующего упрощения, а неспособность адекватно её осмыслить приводят к идейному бессилию перед наступающей агрессивной контрреволюцией.

Одной из причин идейно-психологической беспомощности западного мира А.А. Пелипенко, подобно Ф. Ницше, считал инерцию христианского морального сознания с его установкой помогать слабым при любых обстоятельствах. «В последнее политкорректное время эта тенденция доходит до клинического идиотизма, Упаси бог быть победителем! Победитель всегда виноват! Победы мерзавца, и политкорректные идиоты тебя тотчас заключут! А побеждённый, будь от хоть трижды поддонок,

¹² Там же. – С. 208.

всегда прав! Ибо побеждённый слаб, а слабый всегда прав!»¹³. Автор «Контрэволюции» видит в таком складе ментальности измену здравому смыслу и непонимание самоочевидной реальности. Ибо взаимоотношения между миром эволюционирующей сложности и миром архаизирующего упрощения укладывать в схему «сильный — слабый» является грубой ошибкой. «Какая разница, почему варвар ведёт себя по-варварски. Для науки это может представлять интерес. Для практических отношений — нет. Словом, с варваром — поварварски!»¹⁴, — говорит он уже в статье «Манифест неомодерна».

Для А.А. Пелипенко нет никаких сомнений, что главный вопрос о грядущей судьбе человечества — это вопрос об итоге столкновения двух миров, двух несовместимых типов миропонимания. В связи с этим он подчеркивает, что «решение кризисных проблем современности в рамках сложившихся на сегодняшний день дискурсов НЕВОЗМОЖНО. И отказ от них — единственный путь сохранения поступательного вектора развития цивилизации и самого человека»¹⁵. Он выдвигает целый ряд задач, как общего, так и конкретного плана, без решения которых, уверен он, невозможно само движение в будущее. На его взгляд, необходимо произвести глубокие ментальные трансформации и полностью отказаться от квазигуманистических постхристианских традиций, особенно в их леволиберальной версии.

Способом выживания находящейся в кризисе культурной системы он считает «*принуждение к сложности*» — принуждение способных к усложнению и сдерживание неспособных и противостоящих ему. Правила, вытекающие отсюда, адресуются уже явно не левополушарному восприятию нашего мозга: «никак и ни в чём не помогать новым варварам (упрощенцам) и, главное, отсекай их от высоких технологий. Убивают друг друга? Пусть убивают! Мрут с голоду? Пусть мрут! Рвутся в сытные края? Депортация! <...>; на террористическое насилие отвечать насилием, в том числе и военным <...>; война — нормальная и естественная форма разрешения конфликтов; <...> победа не есть позор и постыдство; <...> в ситуации эволюционного прорыва (как, впрочем, и всегда) есть вещи поважнее мира, поважнее бизнеса и поважнее отдельно взятой человеческой жизни»¹⁶.

¹³ Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016. — С. 30.

¹⁴ Пелипенко А.А. Манифест неомодерна // Личность. Культура. Общество. — 2016. — Т. XVIII. — Вып. 3–4 (№ 91–92). — С. 45.

¹⁵ Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016. — С. 208.

¹⁶ Там же — С. 224–225.

Отсюда следует призыв решительно отказаться от «фетишей и лжеценностей», навязываемых леволиберальным истеблишментом. Права человека? «Заявляю: никаких прав человека «вообще» не существует. Нет обязанностей – нет прав. Люди РАЗНЫЕ по своей культурно-антропологической природе, по типам ментальности. И потому никаких общих прав у них быть не может. <...> С субъектами, не понимающими иных языков, следует говорить на языке насилия и только на нём. <...> Долой политкорректность! <...> Долой возведённое в норму лицемерие. <...> Долой мультикультурализм! <...> Долой толерантность «в одну сторону»! Будем терпимы к иному ровно настолько, насколько иной терпим к нам. <...> Место религии – в резервации!»¹⁷ – эти заявления взяты уже из «Манифеста».

То ли надеясь быть отчетливее услышанным, то ли стараясь более внятно изложить свои тревоги и опасения, в последние годы Андрей Анатольевич перешел к дискурсу, радикально отличающемуся и от лексики, и от стиля его прежних философско-культурологических текстов. Но изменения произошли не только в форме, но и в содержании публикаций, и это сразу было замечено «проницательным читателем» книг А.А. Пелипенко. Об этом можно судить хотя бы по отзывам М.Е. Швыдкой, опубликованным в разное время в «Российской газете».

В отзыве на вышедшую в 2012 г. книгу «Постижение культуры» бывший министр культуры РФ признавался, что он оказался «поглощенным восторгом перед научной и человеческой смелостью исследователя» и что он «не мог представить себе, насколько далеко и успешно автор продвинулся в создании глобальной концепции, которая безусловно претендует на то, чтобы стать одной из величайших работ в сфере гуманитарного знания за минувшие полвека. Не только в России»¹⁸. Спустя примерно три года, после прочтения вышедшей в 2016 г. «Контрэволюции», М.Е. Швыдкой уже не был столь однозначно «поглощенным восторгом» от написанного. Актуальные выводы автора показались ему «не просто неприемлемыми для решения тех проблем, с которыми столкнулась Европа и все человечество, но и слишком банальными в сравнении с основным корпусом его размышлений»¹⁹.

Ю.М. Резник в своей статье «Человек в зоне отчуждения: поиск альтернатив», которая писалась ещё при жизни Андрея Анатольевича, оха-

¹⁷ Пелипенко А.А. Манифест неомодерна // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. XVIII. – Вып. 3–4 (№ 91–92). – С. 43.

¹⁸ См.: Швыдкой М. Фаустовский дух в эпоху кризиса // Российская газета – Федеральный выпуск. – 10.01.2013. – № 5977 (1).

¹⁹ См.: Швыдкой М. Миф – логос – кризис // Российская газета – Федеральный выпуск. – 17.05.2016. – № 6973 (105).

рактизовал призывы «Манифеста неомодерна» как «гуманизм, вывернутый наизнанку»²⁰. Но и сам А.А. Пелипенко заявлял о своей готовности воспринимать его выводы отнюдь не благосклонно: «Швыряйте в меня сапогами, плюйтесь, возмущайтесь, злитесь». И объяснял причину резкости и суровости своих суждений словами Гамлета: «Из жалости я должен быть суровым. Несчастья начались, готовьтесь к новым»²¹.

Алармистские послы, содержащиеся и в книге «Контрэволюция», и в статье «Манифест неомодерна», рвут связи не только с дискурсом прежних работ исследователя, но и как будто бы не во всём согласуются с самой его теорией смыслогенезиса. Потому что эта теория утверждает: «Культура – не инструмент или способ решения человеком своих адаптационных или иных задач, а саморазвивающаяся система, встроенная в эволюционную пирамиду универсума. <...> При том, что ее носитель человек, от последнего принципы её самоорганизации не зависят и не выводятся из его сознания и жизненного мира»²².

Возникает закономерный вопрос: каким же образом западная культура, которая есть «саморазвивающаяся система», с ее христианским этическим комплексом, может быть подвергнута столь решительной и радикальной трансформации, исходящей не от детерминизма ее эволюционной самоорганизации, а, в сущности, от желания человека найти способ решения «своих адаптационных или иных задач»?

Попытаемся разобраться в этом вопросе. С одной стороны, действительно, как будто бы это совершенно разные сюжеты. Да и сам автор, хоть и не прямым текстом, намекает на недостаточность только рационального подхода к изучению и осмыслению общей картины жизни: «Современный мир настолько сложен и многообразен, что даже само стремление “разложить его по полочкам” вызывает внутреннее смущение, будто занимаешься старомодной дурью»²³. Но, с другой стороны, связь между теоретическими построениями и публицистическими выводами, несомненно, существует, иначе они не были бы объединены в одной книге под общим названием.

Напомним, что одной из задач своих культурологических исследований А.А. Пелипенко видел в том, чтобы «выявить диалектику двойной субъектности истории: человека и самих культурных систем»²⁴. В куль-

²⁰ Резник Ю.М. Человек в зоне отчуждения: поиск альтернатив // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. XVIII. – Вып. 3–4 (№ 91–92). – С. 17.

²¹ Пелипенко А.А. Контрэволюция. – М.: Знание, 2016. – С. 225.

²² Там же. – С. 19–20.

²³ Пелипенко А.А. Контрэволюция. – М.: Знание, 2016. – С. 189.

²⁴ Там же. – Введение.

турном процессе он находил действие этих двух взаимодействующих сил. Первая нацелена на стабилизацию, обеспечение устойчивого существования. Упорядочивая социокультурные формы, она приводит, среди прочего, к консенсусному установлению норм закона и морали. Вторая сила, напротив, устремлена к росту, расширению, она связана с жизненным порывом к социальному господству, доминированию, с использованием средств силовой экспансии и репрессивности. Отношение между этими силами есть, в сущности, отношение между консенсусно интегрированной культурной системой и свободно мыслящими индивидуумами, личностями. «Концепт консенсусной реальности представляет собой устойчивое смысловое ядро, окружённое облаком флуктуаций. Ментальная сфера отдельного индивидуума являет свою флуктуационную версию реальности»²⁵. Эти два начала, взаимодействуя диалектически, выполняют структурирующую и конфигурирующую функции в обществе и его культуре.

Правовые и моральные нормы и ценности, которые стали проявлением первой силы в западном мире сложности, могли бы считаться культурным достижением, если бы данный регион находился в условиях автономного существования. Но историей ему было предписано совместное существование с восточным миром простоты с его расползающейся экспансией. В этой обстановке, по мнению А.А. Пелипенко, сверхчуждые ценности и правила, согласно которым «западный человек априори виноват перед своим “меньшим братом”», «представляют собой формулу самоуничтожения Запада, а их отстаивание есть предательство западной цивилизации»²⁶.

В условиях такой пораженческой благопристойности западного истеблишмента, которая, собственно, и есть контрреволюция, объективно возникает необходимость вступления в действие второй силы – силы жизненного порыва к изменению культурного кода. Это – функция человеческой субъектности, продуцируемая рефлексией отдельных индивидуумов, личностей. Критическая направленность их призывов и проектов не согласуется с консенсусными моральными и ценностными нормами, напротив, эти проекты нацелены на их радикальное изменение. Как поясняет А.А. Пелипенко, «индивидуалистический аморализм – не есть результат испорченности или уклонения от Должного, а неизбывное и “законное” проявление универсальной силы экспансии. Иными словами, индивидуалистический аморализм имеет фундаментальное онтологическое оправдание», а «рефлектирующая личность способна осознать

²⁵ Там же. – С. 121.

²⁶ Там же. – С. 203, 202.

и свободно определять свою позицию в этом противоборстве»²⁷. Субъектность человеческая, побуждаемая вертикальным эволюционным порывом, немислима без преодоления сопротивления, которое, по убеждению Пелипенко, неполноценно без применения силы. «Насилие — один из универсальных языков культуры, и в этом качестве оно должно быть оправдано и легимитизировано. С субъектами, не понимающими иных языков, следует говорить на языке насилия и только на нём»²⁸, — писал он.

Таким образом, те решительные меры, которые предлагает исследователь, являются конкретным выражением одной из сторон «двойной субъектности», а именно стороны субъектности человеческой, которая, наряду с субъектностью собственно культуры, образует диалектику истории. А заявления и призывы самого А.А. Пелипенко, по всей видимости, можно считать одним из проявлений этой человеческой субъектности, позиции «рефлектирующей личности», подвергающей радикальной критике пораженческий менталитет западного леволлиберального истеблишмента. Справедливости ради надо отметить, что это отнюдь не частное мнение одного только нашего автора, поскольку подобные мысли высказывают многие другие мыслящие личности, обеспокоенные тревогой за будущее христианского мира.

И всё же выводы А.А. Пелипенко, ориентированные на стратегическую перспективу, не сводятся к насилию. В последней главе «Контрэволюции» автор говорит о социальном проектировании, направленном на решение созидательных задач. И в данном случае представителями человеческой субъектности являются не народ, не масса, а личности, носители «новой естественности», активного творческого начала. Таких людей в любой социальной системе оказывается не более 5-7%. Главными ценностями для них является возможность самопроявления в условиях нарастающей сложности жизненного мира с целью осуществления перехода к новому системному качеству.

Большую надежду исследователь возлагал на осуществление идеи *меритократии*, на приход к власти экспертов, специалистов. «Какой бы путь ни был избран в дальнейшем, леволлиберальный дискурс должен быть развенчан и отброшен в любом случае. А подлинные интеллектуалы-специалисты не просто должны быть услышаны. Они должны получить возможность принимать решения, т.е. получить реальную политическую власть»²⁹. Общественный статус этих людей, по мнению Пелипенко, не-

²⁷ Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016. — С. 138.

²⁸ Пелипенко А.А. Манифест неомодерна // Личность. Культура. Общество. — 2016. — Т. XVIII. — Вып. 3—4 (№ 91—92). — С. 42.

²⁹ Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016. — С. 232-233.

обходимо кардинально изменить. Они должны играть роль не пассивного ресурса, а заниматься решением задач системного самосохранения, разработкой и реализацией важнейших для общества проектов, организовывать деятельность соответствующих институтов.

Среди институциональных образований, способных наиболее успешно осуществить идею власти интеллектуалов, А.А. Пелипенко останавливает свой выбор на транснациональной корпорации (ТНК) и мировом правительстве, которые, на его взгляд, должны стать субъектами политического влияния на деятельность правительств и международных организаций. Для осуществления своих проектов эти институты должны располагать гораздо более мощным и профессиональным экспертно-аналитическим оснащением. В конечном счете, мировое правительство в сотрудничестве с ТНК должны обеспечить политико-правовое регулирование международных отношений в глобальном масштабе.

«Дух сам лечит свои раны» – это изречение Гегеля А.А. Пелипенко взял эпиграфом к своей книге «Постижение культуры». Оно несет в себе и умиротворяющий, и оптимистический смысл: все беды и невзгоды, дескать, переживутся, пройдут, всё успокоится, нормализуется. Чего не скажешь об эпиграфе к «Контрэволюции», в качестве которого автор использовал плач древнеегипетского мудреца Ипувера (XVIII в. до н.э.) о социальных бедствиях, обрушившихся на Древний Египет в Переходный период его истории: «*Воистину: земля перевернулась, подобно гончарному кругу*». В том, что «земля перевернулась», надо полагать, подразумевается всё та же рана на теле духа культуры. Но как решается вопрос с ее излечением? Если в работе «Постижение культуры» первенство в этом действии принадлежало скорее объективному духу в его гегелевском понимании, то в «Контрэволюции» надежды на самоизлечение духа культуры – объективного или даже абсолютного – не остается. Остается дух субъективный, на возможности которого полагался автор в своих программных выводах.

Закончить эти попытки постижения некоторых итогов творчества выдающегося культуролога и философа А.А. Пелипенко имеет смысл теми же словами, которыми он заканчивает «Контрэволюцию», в какой-то мере проясняющими смысл того, что он характеризовал как «набросок возможного»: «Не утверждаю, что так непременно будет или должно быть. Скорее всего, будет как-то иначе: более сумбурно, компромиссно, эклектично, невнятно, т.е. так, как обычно и бывает. Но моя задача не выдать готовый к реализации проект глобального переустройства (такой задачей, в любом случае, должен заниматься не один человек), а – впустить в мир идей некую новую смысловую конструкцию. Последние, как известно, живут своей самостоятельной жизнью и на практике преломляются под-

час весьма неожиданно. Ведь важно не *как написан* текст, а *как он понят*. Тут культура, великий хитрец и манипулятор, может преподнести самые невообразимые сюрпризы»³⁰.

Эта цитата в какой-то мере проясняет смысл публицистических выводов Андрея Анатольевича из его культурологической теории, которые он характеризовал всего лишь как «набросок возможного».

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 576 с.
2. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. – М.: МГУКИ, 2007. – 434 с.
3. Пелипенко А.А. Контрэволюция. – М.: Знание, 2016. – 240 с.
4. Пелипенко А.А. Манифест неомодерна // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. XVIII. – Вып. 3–4 (№ 91–92). – С. 40–49.
5. Пелипенко А.А. Постижение культуры. Часть 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – 605 с.
6. Резник Ю.М. Человек в зоне отчуждения: поиск альтернатив // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. XVIII. – Вып. 3–4 (№ 91–92). – С. 7–25.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 660 с.
8. Швидкой М. Миф – логос – кризис // Российская газета – Федеральный выпуск. – 17.05.2016. – № 6973 (105).
9. Швидкой М. Фаустовский дух в эпоху кризиса // Российская газета – Федеральный выпуск. – 10.01.2013. – № 5977 (1).

³⁰ Пелипенко А.А. Контрэволюция. – М.: Знание, 2016. – С. 238.